

Без решения проблем с доступом к информации гражданское общество построить невозможно

**Иосиф ДЗЯЛОШИНСКИЙ, генеральный директор Института гуманитарных
коммуникаций**

У французского поэта Поля Валери есть замечательная фраза, она звучит в вольном переводе примерно так: "Наши слова похожи на тонкие досточки, переброшенные над пропастью. По ним можно перебежать, но нельзя останавливаться – упадешь". К сожалению, очень многие слова, которые мы используем, в том числе в ходе нашей дискуссии, мягко говоря, те самые тоненькие досточки, на которых останавливаться нельзя – упадешь.

Наверно, надо более или менее однозначно и точно определять понятия, которыми мы пользуемся, иначе будем все время падать в те самые пропасти, в которые мы непрерывно падаем. И ключевое понятие здесь – "гражданское общество".

Напомню на всякий случай, что сама идея гражданского общества возникла у Локка, у Монтеня и означала для европейцев очень простую идею, что гражданин помимо неких своих обязанностей перед государством свободен решать свою судьбу. Еще раньше идеи гражданского общества возникли в трудах отцов католического вероучения, где доказано, что церковь свободна в своих делах и никакого отношения к светской власти не имеет. И католическая церковь доказала это на практике. Напоминаю, любой преступник, попадавший в церковь и обнимавший алтарь, был не доступен для светских властей.

Значит, речь идет о том, что в европейской практике и в аккумулировавшей европейские идеи американской практике идея гражданского общества представляет собой очень простую вещь: вся жизнь в обществе должна строиться на трех очевидных для любого европейца и американца вещах. Первое – это рынок во всем. Цена всему определяется на рынке, и никто не имеет права вмешиваться в этот процесс. Второе – публичность политики. В европейском праве понятие "свобода печати" возникло как форма обеспечения публичности власти. Власть должна быть прозрачна, понятна, и все законы, все действия власти должны быть очевидны и доступны гражданам для контроля. Когда возникает пресса, то пресса становится одним из инструментов реализации принципа публичности власти. А третья основополагающая опора того, что мы называем гражданским обществом в Европе – это права человека.

И проблема заключается в балансе между этими тремя столпами гражданского общества. Степень развитости рыночных отношений должна регулироваться защитой прав человека и, соответственно, публичностью властных отношений, прозрачностью власти. Каждый раз, когда одна из этих опор расширяется (или увеличивается) за счет других гражданское общество падает. Мы это видели не раз. Примерно к концу 19 века в Европе практическая жизнь впитала в себя все эти идеи и стала естественно гражданской. Общество стало естественно гражданским. Любой европейец, любой американец представить себе не может, что кто-то вломится к нему в дом без его разрешения и без специального ордера. Для них идея гражданского общества – это не идея, это жизнь. А для нас с вами это слова и идеи. Примерно 30 лет назад лидеры польской "Солидарности" первыми в Восточной Европе произнесли слова "гражданское общество". Они реанимировали идею. Потом в России подхватили эти слова. Но слова – то есть, а понимания того, что ты гражданин, а значит, отвечаешь за свою судьбу и за судьбу своей страны, а заодно и всего мира в целом – нет.

Но на основе словесной эквилибристики говорить о строительстве гражданского

общества в обозримой перспективе просто не представляется возможным. Вот лишь один пример. Мы все время пытаемся доказать россиянам, что им нужна свобода доступа к информации. Не свобода печати! Свобода печати нужна журналистам! А гражданам нужна свобода доступа к информации через печать или мимо нее. Я вообще – то считаю, что лучше мимо, но это уже другой разговор. Так вот, оказывается, что идея того, что гражданин имеет полное право знать, чем занимается власть, особого интереса не вызывает. Всех устраивают те мыльные оперы, медиаспектакли, которые производят по поводу власти наши СМИ.

Другой пример. Мы только что закончили исследование, которое длилось почти 9 месяцев. Мы изучали информационные интересы жителей среднего промышленного города. 300 тысяч населения, очень такой русский город, с традицией, Екатерина Вторая там бывала. Два крупных предприятия, десяток мелких... Мы попытались обратиться к гражданам с серией заковыристых тестов и выяснить, чего они хотят в жизни, зачем они живут. Мы не задавали в лоб эти вопросы, вы понимаете.

Мы получили 3 стратегии жизни. Первая – стратегия самоосуществления, самореализации, когда человек живет для того, чтобы осуществить свое призвание, или то, что он считает призванием. У меня есть способность, у меня есть талант, я хочу в этом мире состояться. И я проломаю все стенки, которые будут мешать мне состояться. Таких в среднем промышленном городе России от 5 до 7%. Это именно те люди, которым нужна свобода, рынок, возможность получать информацию, действовать и т.д.

Вторая группа, мы их назвали "люди успеха", т.е. люди, ориентированные на стратегию успеха. Занять приличное положение, сделать состояние, выучить детей и т.д., т.д... Таковых тоже, в среднем по этому среднему русскому российскому городу, на сегодняшний день примерно 17% плюс минус 4%, как это положено в социологии. Значит, где-то от 15 до 20% – это люди, которые хотят побольше заработать, сделать карьеру, построить дом, оставить детям приличное состояние...

Все остальные наши сограждане с вами – это примерно 70, – люди, которые исповедуют стратегию выживания. Чтоб был хлеб, была колбаса, капуста, водка и чтобы было не страшно.

Несколько лет назад было проведено аналогичное исследование, с другой методикой и тогда были получены следующие результаты.

Население разделилось на людей дела, тех, кто ориентирован на то, чтобы делать дело – неважно, потому ли, что он хочет состояться лично или потому, что он хочет просто много заработать. Таковых было примерно 19–20%. Если мы возьмем две группы, которые получили в среднем российском городе – те самые 5–7% и 18%, получается примерно такая же величина. Вторая группа, которая была выделена во втором исследовании, получила наименование "люди надежды". Это те, кто сидят и ждут: авось, кто-то придет и решит все их проблемы. Вот выйду замуж за иностранца, кошелек найду, в лотерею выиграю, мэр будет хороший, президента выберем хорошего и прочее, прочее...30–34% в среднем по России – это люди, которые все время надеялись на то, что кто-то решит их проблемы.

Еще одна группа россиян, – это люди, которых мы условно назвали "разочаровавшимися", люди, которые не верят ни во что. Они знают, что плохо сегодня, плохо было вчера, завтра будет еще хуже, ничего делать вообще не надо – по возможности, но поскольку деваться некуда, то надо немножко работать с 9 до 11, как работает средний россиянин. Потому что в 11 начинаем готовиться к обеду... И тут же забыть как о дурном сне обо всем, что ты делал. Эти люди начинают читать в газете

материалы, в которых сообщается о всех сволочах, о том, что кого-то расчленили, изнасиловали и подожгли... И чем больше изнасиловали, подожгли – тем лучше... А если при этом показано, кто именно, и он не твоей национальности или не твоего социального слоя, то это вообще замечательно! Когда горела Останкинская башня, народ вокруг нее прыгал, плясал, пил пиво и заключал пари "упадет – не упадет" и куда упадет... И то нетерпение, с которым мы преникаем к телевизору, когда там показывают очередные трупы, вовсе не говорит о том, что мы сильно милосердны. Уровень агрессии этих людей – напоминаю, их 34% – чрезвычайно высок, из них вербуются всевозможные наемники, из них вербуются киллеры и вообще масса всякого такого народа, который нам почему-то не нравится, хотя это МЫ и есть!..

И последняя группа, которая проявилась в ходе того исследования – это "виртуальные люди". Это люди, которые вроде бы физически есть, но их нету. Это люди, которые выключили себя из этой жизни вообще раз и навсегда!.. При чем это не самые худшие люди. В среднем, до 12 процентов людей с ориентацией: "Пошли вы все! Видеть вас не хочу!".

Причем тут гражданское общество? При том, что только двадцати процентам населения России необходимо гражданское общество, оно им позволяет раскрыться. Но когда на одной стороне 20% людей с желанием состояться, с желанием заработать, с желанием сделать жизнь своих детей богаче, интереснее, а на другой чаше весов – 80 плюс-минус 4 процента – те, кто хочет просто спокойно прожить свою жизнь и "отстаньте от меня!" – кто победит?!

А мы с вами о прессе.

Пресса ли виновата в том, что в России нет гражданского общества?! Правозащитники ли виноваты в том, что в России нет гражданского общества?! Тысячелетиями в России формировалось представление о другом типе жизнедеятельности. Тысячелетиями! Винить ли коммунистов в том, что у нас была Октябрьская Революция? Она просто воспроизвела определенный набор естественных ожиданий массовой аудитории. Винить ли в провале демократических реформ каких-то конкретных деятелей? Мы их провалили с грохотом все вместе, потому что они не дают покоя тем значимым социальным группам, которые просто хотели бы жить.

Вопрос: что делать в этой ситуации? Коренной вопрос в России. Ответ очень простой: интеграция в некую модель взаимоотношений, опирающаяся на эти три столпа: право личности, ЛИЧНОСТИ, не государства, РЫНОК и ПУБЛИЧНОСТЬ ВЛАСТИ, – и мы должны определенным образом инициировать все эти процессы, вовлекая всех остальных не в борьбу, но, по крайней мере, в осмысление того, что другого пути для развития в России нет.

Есть два субъекта создания гражданского общества. Первый субъект – это журналистская корпорация. Не СМИ! СМИ – это каналы, это инструменты. Но журналисты как фигуранты, как субъекты, внутренне объективно заинтересованы в свободе информации. Это пространство их самореализации, успеха и выживания. Будет свобода информации – будет хлеб. Не будет свободы информации – будет зарплата.

И второй субъект, заинтересованный в создании гражданского общества, – это инициаторы и активисты гражданских структур. Как я понимаю, сидящие здесь люди. Они смогут самореализоваться при условии свободы развития гражданского общества. Таких на Руси на сегодняшний день что-нибудь около 100000 организаций.

Задача заключается в том, чтобы их соединить. Сейчас между ними пропасть. В 1998-м году мы провели специальную всероссийскую конференцию под названием

примерно таким же, как у вас – "Союз СМИ и структур гражданского общества как основа становления открытого общества". Мы посадили по одну сторону длинного стола руководителей гражданских структур (московских и региональных), по другую сторону – журналистов, руководителей СМИ и рядовых журналистов, тоже московских и региональных. И два дня держали – договаривайтесь. Ничего не удалось. Шел взаимный обмен инвективами. "Вы о нас не пишете", – говорили руководители структур гражданского общества. "А что нам о вас писать? У вас все неинтересно", – отвечали руководители СМИ. Значит, пока не проломим эту стенку, все будет кружиться в каком-то виртуальном танце.

Теперь я подойду к вопросу, который считаю одним из важнейших в интересующей нас проблематике – доступу к информации. В мире происходит информационная революция. Речь идет не о средствах массовой информации, а о том, что информация превращается, простите за термин 80–60–70–х, в "непосредственную производительную силу". "Тот, кто владеет информацией, – говорил Наполеон, – владеет миром". Так вот, сейчас это так на самом деле.

На сегодняшний день речь идет и о том, что информация становится главным ресурсом строительства личности. Если раньше люди строили свою личность на основе непосредственно практического опыта и сведений полученных в ходе личных контактов – от бабушки, от дедушки, от мамы, от папы, от друзей во дворе – именно там мы получал жизненные стандарты, образцы поведения, учились жить. Сейчас наш с вами личный контакт ограничивается очень узким сегментом, а именно: встал утром, почистил зубы, побежал на работу, на работе в минимальном окружении 1–2 человек провел 8 часов, прибежал домой, поел и сел к телевизору. Это весь твой жизненный опыт. В отпуск съездил куда-то на две недели. Что ты еще в жизни видишь?

До 90 процентов всех впечатлений, которым пользуется современный человек, и россиянин в том числе, он получает из внешних источников информации, из тех самых СМИ, из кинофильмов, из библиотек. Люди начинают строить себя из той информации, которую они получают через разнообразные каналы. Его личность – это не его личность. Это нечто скроенное, слепленное из разнообразных образцов поведения и моделей, которые он получил откуда-то. Немножко американское, немножко европейское, итальянское, французское... Вот и получается – и в церковь человек ходит, и в звезды верит, и буддизмом чрезвычайно интересуется...

В свое время Абраам Моль, французский исследователь, выдвинул идею о существовании двух типов личности: кристаллической и мозаичной (или, как он ее называл – войлокообразной) личности. Войлокообразная личность – личность, слепленная из всяких обрывков чего-то там. Так вот, сейчас мы констатируем, что большая часть наших с вами сограждан – это люди с войлокообразной личностью. Там много обрывков всего на свете, и когда ему надо объяснить свое поведение или оправдать себя за свое поведение, он выдергивает из своей личности что-то и говорит: ну вот, вот так надо. Так вот – гражданское общество не может строиться на войлокообразных людях. Гражданин, что бы мы ни понимали под этим, это личность, у которой есть опора. Личность, которая знает, что есть высшие ценности, и это не ценности выживания. Гражданин, в строгом смысле слова, это личность, которая знает, что его личная свобода, его право принимать решения по собственному поводу выше, чем проблема выживания. Выше! Вот это и есть то, что мы называем гражданином.

Вторая проблема, о которой нам следует задуматься связана с тем, что информация сегодня – это капитал, который можно конвертировать в любой другой капитал. Сейчас это стало совершенно очевидным. Если у тебя есть некая информация, которой нет у других, ты можешь ее конвертировать, как вы понимаете – хочешь в доллары, хочешь в политическое влияние, хочешь – в должность.

Вопрос: кто распоряжается этим капиталом? Гражданин? Какой у нас гражданин распоряжается информационным ресурсом? Двести лет назад в Швеции был принят закон, по которому любой гражданин Швеции имел право прийти в любой орган власти и потребовать информацию о том, чем они там занимаются. В последних версиях этого закона записано, что любой государственный служащий обязан сообщать народу обо всем, что может помешать народу хорошо жить! Даже если это нарушает то, что мы нынче называем государственной тайной.

И этот и многие другие законы мы перевели, разослали куда можно, всем журналистам. Разослали и... тишина. Потому что до тех пор, пока граждане не будут иметь в своем распоряжении этот информационный ресурс, говорить о гражданском обществе нельзя.

А у нас если ты хочешь получить информацию, тебе говорят – все что нужно, напечатано в газете. Я не шучу. Есть такое знаменитое дело Наума Нима против президента, тогда еще премьер–министра Путина. Наум Ним написал записочку: "Господин премьер–министр, сообщите, пожалуйста, сколько стоит чеченская кампания и когда она закончится...", и еще 5–6 вопросиков. На что он получил ответ от начальника Управления информации: "Все, что нужно знать, рассказано в интервью г–на Путина средствам массовой информации" (см. сайт журнала "Индекс–Досье на цензуру": www.index.org.ru) То есть в плоть, в кровь нашего общества, в том числе и гражданского, проникла идея, что все, что нужно знать, можно получить из средств массовой информации.

Это значит, что СМИ узурпировали право передавать гражданам информацию. А СМИ, как верно заметил г–н Шутов, это не беспристрастный инструмент, это 100 000 профессионалов, которые хотят хорошо жить и имеют на это право. Между тем средняя зарплата российского журналиста где–то порядка \$50 в месяц. Если отнять Москву с ее журналистскими доходами, то это довольно нищее сословие. А гонору у коллег журналистов много, и правильно! Как правило, они очень способные люди. Значит, когда он управляет информационными потоками, он, естественно учитывает некий свой интерес. У него дети есть, жена.

И когда мы ругаем СМИ, надо отчетливо понять, что средства массовой информации не могут быть другими в этой ситуации. Они таковы, каково наше общество, которое мы, по некоторому недоразумению, иногда называем гражданским.

Перейду к главной проблеме, во имя которой я, собственно, и был приглашен. К проблеме, которая по–настоящему не осмыслена в России. Это проблема доступа к информации. Исходный тезис заключается в следующем: общество не может быть гражданским до тех пор, пока каждый гражданин, подчеркиваю, хочет он этого или не хочет, не будет знать все о том, что происходит в государстве. Почему хочет или не хочет? Потому что, если он не хочет знать, выключает телевизор, не читает газет, а потом идет голосовать, то он тем самым естественным образом искажает политическую картину ситуации, и, соответственно, действует во вред не только себе (сам ты хоть застрелись!), но и во вред всем остальным. Поэтому у вопроса о доступе к информации есть несколько граней, которые мы должны обозначить.

Первая – это правовая ситуация в области доступа граждан к информации. На сегодняшний момент мы имеем множество нормативных актов федерального уровня, которые так или иначе регулируют процесс доступа гражданина к информации. Я пока снимаю вопрос об обратном процессе – о доступе информации к гражданину, об обязательном информировании граждан, и об этом даже заикаться пока невозможно, хотя это вторая важная грань... Все эти нормативные акты ограничивают возможность гражданина получить информацию. Не расширяют, а ограничивают! Я пока снимаю

вопрос о соответствии нашего федерального законодательства европейскому, которому мы обязаны соответствовать, поскольку мы сами являемся членами Совета Европы.

Я все время бью в эту точку: мы должны обеспечить нормальную прозрачную правовую среду, которая, во-первых, обязывала бы власти, бизнес, общественные организации быть прозрачными. До тех пор, пока не будет нормативной системы, которая обязывала бы социальные системы разных типов предъявлять обществу информацию, мы ничего не будем знать.

У нас работает огромная армия журналистов, у нас на сегодняшний день в России свыше 20 000 зарегистрированных средств массовой информации, у нас 500 телекомпаний, у нас 900, а по некоторым данным 1200 частных радиостанций. У нас много СМИ, а россияне не знают ничего. В прошлом году мы провели мониторинг по проблеме "Россия и Совет Европы". Мы провели опрос в шести точках России: что знают россияне о Совете Европы и о том, что мы члены Совета Европы? Несколько процентов россиян знают, что Россия – член Совета Европы. Когда мы спрашивали: а вы знаете, кто из россиян представляет Россию в Совете Европы, – не было названо ни одной фамилии. Когда мы спрашивали, что вы знаете о правах, которые у россиян появились в связи с тем, что мы члены Совета Европы? Глухое молчание в ответ. Из журналистов обо всем этом знает 12 процентов. Из чиновников примерно 27 процентов плюс-минус 4... И это после 3-х лет нашего членства в Совете Европы, после более или менее массивной информационной компании, финансировавшейся самим Советом Европы!

Я просто обозначаю проблему. Мы хотим быть гражданским обществом? Мы обязаны добиваться, чтобы гражданин знал ВСЕ ОБО ВСЕМ. За исключением того, что знать нельзя. И вот здесь надо определить: а ЧТО ЗНАТЬ НЕЛЬЗЯ?

Наша Дума в свое время приняла Закон "О государственной тайне". Относительно приличный закон. Там было порядка 37 позиций того, чего мы не должны знать. Мы нормальные люди, не шизофреники, не сумасшедшие, мы понимаем, что есть вещи, которые рассказывать не надо.

После этого, в нарушение Конституции, запрещающей расширять список государственных тайн, под занавес своего ухода, Борис Ельцин принял Указ "О государственной тайне", в котором почти в три раза больше типов сведений, которые становятся государственной тайной, плюс право засекречивать информацию, которым наделены практически все министры и главы всех администраций.

И последнее наше с вами достижение – министр связи господин Рейман подписал недавно приказ, не Указ Президента, не закон, прошедший через Думу, а просто ПРИКАЗ министра, по которому все провайдеры обязаны бесплатно подключить к своим конечным пунктам все силовые ведомства: ФСБ, МВД, налоговую полицию. И теперь эти господа за наш с вами счет (потому как вы понимаете, все это оплачиваем мы с вами) будут копаться во всей нашей информации с большим своим удовольствием, не спрашивая разрешения суда, не спрашивая никаких разрешений вообще. В прошлые, достойные всяческого осуждения времена коммунистического режима, когда в прокуратуре или кому-то надо было слушать диссидентов и прочих, они все-таки получали разрешение хотя бы в Политбюро.

Можно долго об этом говорить, но думаю, сказанного достаточно – без решения проблем с доступом граждан к информации нам не вырастить гражданское общество.